

Мохолуны

М Шувалов

М Шувалов

Мохолуны

«Автор»

2026

Шувалов М.

Мохолуны / М. Шувалов — «Автор», 2026

У Алины рушится семья, но она упорно делает вид, что сильная и справится со всем сама. Данил — признанный гений, которого настолько парализовал страх ошибки, что он больше не может сделать ни шагу. Марк носит маску жестокого отморозка, чтобы никто не смог снова причинить ему боль. А душа компании Эрик готов взвалить на себя любые чужие проблемы, лишь бы не остаться в одиночестве. Их объединяет одно: тяжесть невысказанного страха, который медленно сжигает их изнутри. Но однажды, когда реальность становится невыносимой, в их жизнях появляются Мохолуны — маленькие существа из древних легенд, рожденные из лунного света и лесного мха. Они приходят к тем, чья боль звучит слишком громко. Однако Мохолуны не творят чудес. Они лишь забирают панику, оставляя человека один на один с правдой.

© Шувалов М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Алина	5
1. Свет сквозь темноту	5
2. Легенда старого леса	7
3. Сказания о ночных хранителях	9
4. Дорога в неопределенность	11
5. Хранитель старого музея	13
6. Лес иллюзий	15
7. Истинные страхи	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

М Шувалов

Мохолуны

Глава 1. Алина

1. Свет сквозь темноту

Проектор тихо жужжал на прикроватной тумбочке, рисуя по белому потолку бледные созвездия и круглое пятно искусственной Луны.

Алине было семнадцать. Возраст, когда мир потихоньку начинает требовать от тебя четких ответов, и у неё они были. Она точно знала, чего хочет: поступить на факультет журналистики, писать честные тексты и вскрывать тайны, которые люди так старательно прячут в своем сознании. Алина всегда говорила то, что думает — иногда даже слишком прямо.

Но только не дома. С родителями её прямота растворялась в тревожной осторожности. Они и без того балансировали на грани, готовые сорваться в любой момент.

Последние полгода разговоры на кухне всё чаще обрывались резкими фразами, просачивавшимися сквозь закрытую дверь её спальни. «Ты никогда не слушаешь». «Я устала это терпеть». Слова, сказанные вполголоса, потом часами висели в воздухе квартиры.

Алина не плакала. Она упорно убеждала себя, что слезы — это слабость, которая ничего не способна решить. Но по ночам, когда дом погружался в ненадежный покой, страх находил её сам. Навязчивый страх: проснуться однажды утром и обнаружить, что привычного мира больше нет. Что брак родителей раскололся, а вместе с ним разлетятся на осколки все её цели, планы и уверенность в завтрашнем дне. Потому что семья, которая всегда была её опорой перестанет существовать.

Сегодня в квартире было особенно тихо. Мама рано ушла в спальню, даже не пожелав спокойной ночи; отец заперся в кабинете, освещая лицо тусклым экраном рабочего ноутбука.

Алина легла на бок и крепко прижала к груди старого плюшевого кота с потертым ухом — единственную детскую вещь, которая еще хранила память о временах, когда всё было понятно и безопасно. Закрыв глаза, она попыталась ровно дышать.

Сон навалился мгновенно.

Она снова стояла посреди дремучего, мертвого леса. Того самого, что мучил её в кошмарах последние недели. Величественные сосны стояли слишком плотно, цепляясь сухими колючими ветвями за одежду и волосы. Густой, серый туман стелился по земле, стирая тропинку прямо под подошвами кроссовок.

— Мама! Папа! — позвала она, но собственный голос тут же утонул в глухой тишине.

Холод подобрался сзади. Он не был просто морозным — это был тяжелый, осязаемый морок, сотканный из всех невыплаканных слез, затаенных обид и невысказанных за полгода слов. Этот мрак сгустился за её спиной и потянулся к ней черными щупальцами. Алина рванулась вперед, но ноги увязали в мокром мху, а корни словно хватали за щиколотки.

В ушах звучало паническое эхо: «Они разойдутся. Ты останешься одна.»

Вдруг что-то теплое коснулось её пальцев.

Алина резко замерла и оглянулась. Прямо рядом с ней, на мягкой кочке мха, сидел зверек размером с кота. Его шерсть была серой, а крупные ушки имели странную, изящную форму двух полумесяцев. Но ярче всего был его круглый живот: на нем мерцало крошечное созвездие, будто нарисованное тончайшим мелом.

Зверек не издал ни звука. Он лишь сделал шаг ближе, поднял мордочку и мягко уткнулся влажным носом в её раскрытую ладонь.

От этого простого прикосновения ледяной кошмар дрогнул. Алина почувствовала, как тяжесть в груди начала медленно таять. Черные тени — её паника, тревога за родителей, страх будущего — стали распадаться на мелкие серебристые пылинки и, закручиваясь в спираль, втягиваться в светящееся созвездие на животе зверька.

Сон не оборвался, но страх отступил. Лес посветлел, раздвигая ветви, а под ногами снова пролегла едва заметная, но надежная тропа, ведущая к свету.

Резкий звон будильника разорвал тишину. Алина рывком села на кровати, тяжело дыша и озираясь по сторонам.

За окном было сырое осеннее утро. Из коридора доносились приглушенные звуки: звон ложки о чашку, негромкий, усталый разговор родителей.

Алина опустила взгляд на простыню и замерла.

На белой наволочке, прямо рядом с ее рукой, лежала одна-единственная шерстинка. Она была серого цвета, тонкой, словно паутинка, и слабо мерцала мягким светом. Алина осторожно коснулась её кончиком пальца. Шерстинка на долю секунды вспыхнула искрой и тут же растаяла в воздухе, оставив на коже осязаемое ощущение тепла.

Девочка долго смотрела на пустую ладонь, чувствуя, как сердце пропускает удары.

— Я ведь не схожу с ума?.. — прошептала она дрожащим голосом. — Это было не просто сном.

2. Легенда старого леса

В школе стоял привычный утренний гул. Когда Алина подошла к кабинету, одноклассницы уже обсуждали последние новости, но она лишь поздоровалась и прошла к своей парте. Рассказывать им о светящейся шерстинке и странном сне не было никакого смысла — её бы просто подняли на смех.

Её соседом по парте со средних классов был Миша. На первый взгляд — типичный душа компании. Он вечно травил байки, смеялся громче всех и легко находил общий язык с кем угодно. Но Алина знала его лучше. За этой широкой, «публичной» улыбкой Миша прятал осторожность, всегда держа дистанцию даже с теми, кого называл друзьями. Алина часто ловила себя на мысли, что её тянет к нему, но признаться в этом вслух было слишком рискованно.

Когда она села рядом, Миша как раз заканчивал рассказывать какую-то шутку ребятам с соседнего ряда. Увидев Алину, он повернулся, улыбнулся, но вдруг его взгляд на секунду потемнел, став полностью серьезным.

— Всё в порядке дома? — тихо спросил он

Алина могла бы отшутиться, как сделало бы большинство, но это было не в её правилах. — Не совсем, — ответила она прямо, глядя ему в глаза. — Но я справлюсь.

Миша посмотрел на неё так, будто хотел сказать что-то очень важное. Его пальцы нервно крутили карандаш. Но он натянул обратно свою привычную, чуть более широкую, чем нужно, улыбку.

— Если что, я всегда рядом, ты же знаешь, — сказал он, и в этот момент в класс стремительным шагом вошел учитель.

Начался урок истории. Класс продолжал гудеть, как растревоженный улей. Алина подперла щеку рукой и машинально выводила ручкой на полях тетради крошечные полумесяцы, пока Сергей Петрович не хлопнул в ладоши, требуя тишины.

— Так, тише! Разговоры оставим на перемену, — голос учителя, хорошо поставленный, легко перекрыл шум. — Сегодня мы с вами вернемся к истории быта Древней Руси. Но говорить будем не о датах, а о том, что напрямую связано с нашим краем.

Сергей Петрович поправил съехавшие на нос очки и оперся руками о стол. — В ста шестидесяти километрах от нашего города, сразу за старым сосновым бором, когда-то находилось поселение. Местные жители называли те места «Лунным лесом». По древним преданиям, в этом лесу происходили... необычные вещи. Говорили, что люди, которых мучили кошмары, уходили в чащу, оставляли на мягком мху камни с вырезанными рунами и шепотом отдавали свои страхи так называемым «ночным слушателям».

Класс притих, заинтересованный мистической ноткой в голосе учителя.

— Археологи действительно находили там древние камни с вырезанными на них полумесяцами, — продолжил Сергей Петрович. — Скорее всего это был языческий ритуал или просто детская игра, переросшая в местный фольклор. Но место это по сей день считается особенным. Сейчас на месте той деревушки стоит музей древнего быта под открытым небом. И именно туда в эту субботу мы едем всем классом. Экскурсия бесплатная, подышим свежим воздухом, а заодно посмотрим на настоящие инструменты быта того времени. Уведомления вашим родителям я уже разослал.

По классу тут же прокатилась волна радостного шепота. Отмена субботних уроков ради поездки за город всегда воспринималась как праздник.

— Сергей Петрович, а там хоть связь ловить будет? — крикнул кто-то с задней парты.

— Этого не обещаю! — усмехнулся учитель. — Но, если кто-то панически боится природы и пары часов без интернета — можете остаться дома.

Миша, сидевший рядом, слегка наклонился к Алине, — Круто же. Лес, старые камни с рунами... Может, там и правда найдется что-то интересное? Ты как, поедешь?

Алина посмотрела на нарисованные на полях тетради полумесяцы. Внутри неё шевельнулось странное чувство надежды.

— Поеду, — ответила она в своей обычной, резковатой манере. — Только не ради рун и камней. Мне просто интересно, что там за история с этими «ночными слушателями».

Миша улыбнулся. За этой улыбкой пряталась робкая, но искренняя радость от того, что они проведут этот день вместе.

— Тогда давай узнаем это вместе, — тихо ответил он, возвращая взгляд на доску.

3. Сказания о ночных хранителях

После уроков Алина поехала к бабушке.

Бабушка жила в небольшом деревянном доме на окраине города. Их с Алиной связывала та особенная, редкая близость, когда внучка могла вывалить на всю правду, без прикрас и извинений, зная, что её не станут осуждать. В этом доме пахло сушеными яблоками, травяным чаем и старой мебелью — запахами, которые Алина с детства ассоциировала с абсолютной безопасностью.

Сидя за круглым кухонным столом, Алина рассказала ей всё. Не скрывая деталей, она описала ночную ссору родителей, свой леденящий сон, густой туманный лес, из которого не было выхода, и появление зверька с ушами-полумесяцами.

— У него на животе светились звезды, ба, — Алина водила пальцем по краю кружки, глядя в чайную заварку. — Он ткнулся в меня носом, и страх просто... ушел. А утром я нашла на подушке шерстинку. Она светилась, а потом растаяла, оставив тепло на руке. Я бы подумала, что схожу с ума, если бы Сергей Петрович сегодня не рассказал про Лунный лес и камни с вырезанными рунами.

Бабушка слушала внимательно, не перебивая и не качая головой. В её морщинках у глаз затаилась задумчивая серьезность. Когда Алина закончила, она молча встала, подошла к тяжелому дубовому книжному шкафу и, покопавшись на нижней полке, достала потрёпанную книгу в темном кожаном переплёте.

На обложке тусклым золотом было вытеснено: «Сказания о ночных хранителях».

— Ты в точности описала тех, кого в старину называли Мохолунами, — тихо сказала бабушка, возвращаясь к столу. Она бережно открыла книгу на пожелтевшей странице и подвинула её к внучке.

С поблекшей иллюстрации на Алину смотрел в точности тот самый зверек из её сна.

— Это очень древняя сказка, Аля, — голос бабушки звучал мягко. — Говорят, они появились тогда, когда человек впервые научился бояться. Не бояться темноты или грозы, нет. А носить в себе ту самую тяжелую, невысказанную боль. Слезы, которые так и не пролились. Тревоги, которые копились годами, пока не начинали душить по ночам.

Алина затаила дыхание, вглядываясь в рисунок.

— Луна видела это каждую ночь, — продолжала бабушка. — И однажды она решила помочь. Она осветила своим светом древний лес, стряхнула с себя серебряные искры на мягкий мох, и из них родились Мохолуны. У каждого из них на животе горит крошечное созвездие — именно туда они забирают человеческие страхи.

— Значит, они всё-таки лечат? — с надеждой перебила Алина.

Бабушка покачала головой, и её лицо стало очень серьезным. — Нет, деточка. В том-то и дело. Они не забирают страх навсегда. Они не стирают память и не решают чужие проблемы. Они лишь превращают тяжелую, парализующую боль в тихую, светлую печаль. В чувство, с которым уже можно жить. А дальше... дальше всё зависит от самого человека. Страх не исчезает по волшебству. Человек должен сам решить, что делать с этой правдой.

Алина смотрела на зверька в книге. Наивная, отчаянная мысль уже пустила корни в её сознании.

— Ба... Значит, они могут помочь маме и папе? Могут забрать их злость друг на друга?

Бабушка закрыла книгу и накрыла ладонь внучки своей рукой. — Они могут помочь услышать то, что болит на самом деле, Аля. Но какое решение в итоге принять — остаться вместе или отпустить друг друга — всегда решают только люди. Это не магия, подчиняющая волю. Это просто... напоминание, что любую боль можно пережить.

Алина кивнула, делая вид, что поняла и приняла эти слова. Но в её, упрямом сердце уже загорелся спасательный маяк. «А вдруг всё-таки можно спасти? Если я смогу привести родителей к пониманию, если Мохолуны покажут им правду, они обязательно останутся вместе!» — твердила она про себя.

Она не была готова смириться с тем, что решение может быть не таким, как она хочет.

4. Дорога в неопределенность

Утро перед поездкой выдалось серым и нервным. Алина сидела на полу в комнате, собирая рюкзак. Она изо всех сил старалась сосредоточиться на простых, понятных мелочах — аккуратно свернуть теплую куртку, положить наушники, проверить пакет с бутербродами. Но мысли с упорством возвращались за стену, откуда доносились голоса родителей.

Они говорили не громко, но именно в эта сдержанность была страшнее всего. В их тоне больше не было даже страстной ярости ссоры — только бесконечная, вымотанная усталость.

— Я не могу так больше, Игорь, — голос мамы дрожал от усталости. — Мы просто живем рядом, как соседи.

— И что ты предлагаешь? — ответил папа чуть резче обычного. — Развестись? Всё разрушить? А что делать с нашей дочерью? Ты о ней подумала?

Алина замерла с термосом в руках. В груди сжался ледяной комок. Опять этот спор о ней. Опять она стоит между ними, словно якорь на тонущем корабле. Ей очень хотелось, чтобы Мохолуны из бабушкиной книги оказались реальностью и каким-то чудом исправили всё сами — склеили бы родительский брак, вернули бы в дом тепло.

Но сомнение вползало в голову: «А вдруг всё кончено? Если мой дом скоро перестанет быть домом, как я вообще смогу мечтать? Журналистика, поступление, жизнь... Всё это кажется пустым и бессмысленным, когда земля уходит из-под ног».

Она глубоко вдохнула и решительно застегнула молнию рюкзака.

— Я справлюсь, — прошептала она самой себе. Но в тишине комнаты голос прозвучал предательски тонко.

В туристическом автобусе было шумно, душно и тесно. Класс гудел, в конце салона кто-то включил на телефоне громкую музыку, а Сергей Петрович стоял в проходе с пластиковой папкой, пересчитывая головы и напоминая правила дорожной безопасности.

Алина заняла любимое место у окна. Миша упал в кресло рядом, громко переговариваясь с ребятами на передних рядах. Он снова шутил, заразительно смеялся, раздавал пятони — идеальный образ «всеобщего любимчика». Но как только двери захлопнулись, и автобус плавно отъехал от школьного двора, Алина заметила странное: с лица Миши словно сорвали театральную маску. Широкая улыбка разом потухла, плечи тяжело опустились, а в глазах проступило такое глубокое изнеможение, какого Алина не видела даже у своего отца.

Миша натянул кепку на глаза, отвернулся в сторону прохода и свалился в сон практически мгновенно, едва автобус выехал за городскую черту.

Прошло больше часа. Автобус монотонно покачивало на кочках проселочной дороги. За окном проносился бескрайний осенний пейзаж. Вдруг Миша всем телом резко дёрнулся, так сильно, что ударился коленом о спинку переднего сиденья. Он широко распахнул глаза, тяжело дыша и уставился беспомощным, потерянным взглядом в пустоту перед собой. Его пальцы судорожно сжались в кулаки.

Алина осторожно коснулась его локтя: — Ты резко дёрнулся. Плохой сон?

Миша моргнул, возвращаясь в реальность. Он быстро протер глаза ладонями и попытался снова натянуть свою жизнерадостную улыбку, но она вышла кривой и неестественной.

— Да так... Ерунда, — хрипловато протянул он. — Просто... слишком много всего в голове вертится. Ты-то как? Не устала от тряски?

Алина покачала головой, внимательно глядя на него. — Нет. Я всё думаю о том, что мне вчера рассказала бабушка. Про «ночных хранителей». Она говорит, что они не могут просто взять и решить человеческие проблемы за нас. Они лишь помогают вытерпеть боль, делают страх тише. А дальше... всё зависит от самого человека и его выбора. Мне это, если честно, вообще не нравится.

Она отвернулась к окну, — Хотелось бы, чтобы было проще. Чтобы магия пришла и просто всё починила без нас.

Миша несколько секунд смотрел на её профиль. В его взгляде проскользнуло уязвимое, глубокое понимание. Он не стал шутить.

— Может, в этом и есть самый главный смысл? — сказал он. — Если бы кто-то или что-то решало всё за нас по волшебству, мы бы никогда ничему не научились. А ты... ты сильная. Ты всегда смотришь правде в лицо и говоришь прямо, вот как со мной сейчас.

Алина слабо улыбнулась ему в ответ, хоть тень тревоги и не ушла с её лица.

— Надеюсь, ты прав, Миша. — Она прищурилась, изучая его чуть более внимательно, чем обычно. — А ты? О чем сам переживаешь? Ты на людях всегда такой веселый, непробиваемый... Но иногда кажется, что там, внутри тебя, далеко не всё так гладко.

Миша вздохнул и перевёл взгляд на лес, который уже надвигался на автобус по обе стороны трассы.

— Потом расскажу, — тихо ответил он.

Автобус сбавлял ход. Впереди, сквозь верхушки вековых сосен, показались деревянные ворота музея.

5. Хранитель старого музея

Автобус со скрежетом тормозов замер на границе старого соснового бора. Класс с шумом и смехом вывалил наружу. Сергей Петрович собрал подопечных в стайку и уверенным шагом повёл по извилистой тропинке к деревянным постройкам музея.

— Обратите внимание на этот лес! — произнес учитель на ходу, перекрикивая хруст веток под ногами. — В древности эти земли были суровой школой выживания. Люди строили низкие срубы из толстых бревен, крыли крыши берестой. Их быт был предельно практичен: глиняные горшки, костяные иглы для шитья шкур, увесистые каменные топоры. Ничего лишнего — только то, что сохраняет жизнь.

Алина шагала рядом с Мишей. Она честно пыталась слушать лекции о быте предков, но тревога за родителей, словно заезженная пластинка, крутилась в голове. Миша поймал её отстраненный взгляд и тихо, так, чтобы не слышал никто вокруг, спросил: — Всё ещё думаешь про этих ваших... «ночных хранителей»?

— Да, — без запинки призналась Алина, пиная носком кроссовка сосновую шишку. — Где-то внутри, всё ещё хочется верить, что здесь хоть что-то прояснится.

Миша одарил её теплой, неожиданно искренней улыбкой, в которой промелькнуло столько сочувствия, что Алина едва не сбилась с шага. Он быстро спрятал этот взгляд за козырьком кепки.

— Знаешь, ты всегда видишь вещи насквозь. Не врешь себе. Это... правда очень круто, Алина. Далеко не у каждого хватает на это храбрости.

В главном павильоне музея было полутемно; воздух здесь был прохладным, пахло старой глиной и вековой сыростью. Экскурсию вел сухой, высокий старик с пышной седой бородой и пронизательным прищуром глубоко посаженных глаз.

Пока одноклассники шумно толпились у витрин с наконечниками стрел и грубой керамикой, Алина и Миша незаметно отделились от группы. Их внимание привлекла гигантская гранитная плита, установленная в отдаленной нише зала. На потемневшем камне были высечены фигуры: маленькие приземистые создания с крупными ушками в виде растущих полумесяцев и странными рассыпными углублениями на животах.

Алина замерла, задержав дыхание. Кожа покрылась холодными мурашками. — Миша, смотри... — она едва не коснулась холодной плиты пальцами. — Это он. Тот самый. О ком я читала в бабушкиной книге и кого... кого видела во сне, с звездами на пузике.

Миша скептически прищурился, вглядываясь в рельеф. — Видела во сне? — он легко, по-дружески толкнул её плечом, но в голосе не было насмешки — только очень мягкое внимание. — Ну... раз уж ты в этом так уверена, я готов поверить.

Алина уже открыла рот, чтобы ответить, как за спиной раздался бархатный, старческий бас:

— Интересуетесь дохристианской мифологией, ребята?

К ним подошел сам хранитель музея. Старик сложил руки за спиной и оперся о резную деревянную трость, снисходительно рассматривая плиту.

— Если верить старейшим легендам нашего края, это Мохолуны.

— Мохолуны? — переспросил Миша, глядя на старика.

— Именно, — кивнул хранитель. — Потрясающий пласт фольклора. Предание гласит: в незапамятно далекие времена, когда ночи были чернее, а сны — глубже, наши предки боялись закрывать глаза. Стоило человеку заснуть, как к нему стучались жуткие кошмары, душившие до самого утра. Люди тогда еще не понимали главного: кошмары рождаются не из темноты. Они лепятся из наших собственных, невыплаканных слез. Из страхов, которые мы стыдимся озвучить. Из тревог, что мы молча таскаем в груди годами, словно камни.

Алина непроизвольно сжала кулаки. Эти слова ранили её точно в цель: невыплаканное, невысказанное. Это была она. Это были её мама с папой, закрывшиеся в своих кабинетах и спальнях.

— Луна сверху видела эти метания каждую ночь, — продолжал старик, и его голос в полутьме зала звучал почти гипнотически. — Она смотрела на взрослых воинов, которые смело бились днём, но тряслись от отчаяния, оставшись в полумраке с самими собой. И тогда Луна совершила чудо. Из ее света и лесного мха родились первые Мохолуны.

— Они истребляли кошмары? — спросила Алина, подавшись вперед.

— Нет! В том и прелесть этой легенды! — улыбнулся хранитель. — Они понимали главное: самая тяжелая ноша — это та, которую мы отказываемся сбросить. Страх питается нашим молчанием. Мохолуны не воевали со страхами. Они выбирали спящего, проникали в его сны и просто слушали. Они перерабатывали панику в свет. К рассвету кошмар уменьшался до безобидной тихой печали. Или до задачи, которую человек уже мог решить сам... Красиво, правда? Старые люди бьют себя в грудь, утверждая, что именно наш бор — то самое место, куда Луна сбросила первые искры.

В груди Алины жарко запылало пламя надежды. «Значит, всё правда. Место настоящее. Сон настоящий!» Она только собралась рассказать Мише всё про утреннюю шерстинку, как из соседней галереи музея донесся оглушительный грохот, за которым последовал звон разбивающейся глиняной посуды.

— Кто это сделал?! А ну не трогайте руками! — сорвался обычно спокойный голос Сергея Петровича.

Кто-то из одноклассников всё-таки умудрился свалить антикварный выставочный стенд.

Хранитель музея охнул и торопливо пошагал в сторону разверзшегося бедствия. За ним тут же потянулась вся экскурсионная группа, привлеченная скандалом. Миша оглянулся на Алину, жестом предлагая пойти посмотреть, что там стряслось.

Но Алина осталась стоять на месте. Её взгляд прирос к старому, пыльному окну ниши. За мутным стеклом, буквально в двух шагах от музейного крыльца, тёмной стеной вставал древний сосновый лес. Ветви шумели под ветром, словно зовя к себе.

— Мне нужно посмотреть на этот лес своими глазами, — едва слышно прошептала Алина.

Пока все отвлеклись на разбитую посуду, девочка резко развернулась, толкнула тяжелую боковую пожарную дверь музея и выскользнула наружу, навстречу лесу, оставив шум и Мишу позади.

6. Лес иллюзий

Тяжелая деревянная дверь музея глухо захлопнулась, отрезая Алину от школьного гомона. Она сделала глубокий вдох и решительно шагнула под своды старого бора.

С первых же шагов лес показался ей совсем иным. Деревья здесь стояли так плотно, словно охраняли чужие тайны, а их узловатые ветви переплетались в плотный навес, сквозь который пробивались лишь редкие, тусклые лучи серого света. Воздух был влажным, густым, пропитанным запахами прелой листвы и древнего мха.

— Я только посмотрю и сразу вернусь, — прошептала Алина, успокаивая бешено колотящееся сердце.

Она уверенно пошла по едва заметной звериной тропке. Но не прошло и десяти минут, как лес начал меняться. Тропинка под ногами вдруг стала петлять, извиваясь змеей, а потом и вовсе растворилась во мху. Стволы сосен словно незаметно сдвигались за ее спиной, наглухо закрывая обратный путь.

Алина остановилась, чувствуя, как по спине ползет ледяной холодок. — Кто здесь? — громко спросила она в пустоту.

Ответом ей стал приглушенный шепот. Прямо из-за толстого ствола ближайшей сосны донеслись голоса. Два голоса — мамин и папин. Они спорили точно так же, как вчера ночью за стеной. Слов было не разобрать, но эта интонация — вымотанная, полная скрытой боли — безошибочно ввинчивалась прямо в мозг.

— Это не настоящее. Этого не может быть, — произнесла Алина, но ноги словно приросли к земле.

Голоса становились громче. Из плотной серой тени между деревьями начали проступать размытые, колеблющиеся силуэты: двое взрослых, стоящих спиной друг к другу. Расстояние между ними казалось непреодолимой пропастью. Страх, что они уже всё решили без неё, что её дом прямо сейчас рассыпается в прах, навалился на грудь тяжелой бетонной плитой. Силуэты медленно двинулись в её сторону.

Вдруг кто-то с силой схватил её за запястье. Алина вскрикнула и резко обернулась.

Это был Миша. Алина с огромным трудом оторвала взгляд от теней родителей, вцепившись в Мишину ладонь. Но едва она сфокусировалась на нем, как лес ударил снова, теперь уже по Мише.

Он сам вдруг судорожно вдохнул, и его пальцы в руке Алины предательски задрожали. Собственный подавленный страх мальчика вырвался наружу, искажая пространство вокруг. Деревья впереди расступились, превратившись в импровизированную сцену из старых камней. Вокруг сцены мгновенно выросла безликая, жестокая толпа из одноклассников и учителей. Они смотрели прямо на Мишу. В центре этой иллюзорной толпы стояла сама Алина. Миша на сцене открывал рот, отчаянно пытаясь сказать ей главные слова, признаться в том, что скрывал годами. Но вместо слов из его горла вырывался лишь немой хрип, а безликая толпа начинала оглушительно смеяться, тыкая в него пальцами.

Алина крепче сжала его дрожащую руку.

— Миша! — её голос, привычно прямой и лишенный всякой фальши, разрезал гул толпы. — Это не мы. Ты всегда можешь сказать мне всё прямо. Ты же умный. Просто скажи.

Эти слова действовали как заклинание. Искренняя прямота разрушила морок. Силуэты толпы пошли рябью и рассыпались в обычный туман. Тени Алиных родителей растворились во мху. Миша судорожно выдохнул, словно вынырнул из-под воды, и с благодарностью посмотрел на нее.

— Спасибо... Ты права. Просто иногда... иногда быть настоящим слишком страшно.

Они пошли дальше, не отпуская рук друг друга. Лес сопротивлялся их вторжению: корни так и норовили вылезти из-под земли, хлесткие ветви царапали куртки, а из чащи то и дело доносился приглушенный шепот их сомнений. Но теперь, держась вместе, они ясно видели, что всё это лишь отражения их собственных слабостей.

Через полчаса мрачная чаща начала светлеть. Деревья расступились, открывая идеально круглую поляну.

Алина и Миша замерли на её краю. Мох здесь не был зеленым — он переливался мягким, пульсирующим серебром, словно кто-то рассыпал по земле светящуюся пыльцу. Воздух на поляне был неожиданно теплым, он медленно колыхался, будто сама земля дышала глубоко и спокойно.

Миша вдруг напрягся. — Ты слышишь? Там, за деревьями. Кто-то идет.

Алина затаила дыхание. Из-за ствола вековой сосны, мягко ступая по серебристому мху, вышел серый зверек.

Он был размером с крупную кошку, покрытый густой, серой шерстью. Его уши изгибались идеальными полумесяцами, а на круглом животике мягко пульсировало созвездие из крошечных звезд.

Алина не испугалась. Наоборот, сердце наполнилось невероятным, щемящим чувством узнавания. — Ты... — выдохнула она, глядя на зверька. — Ты тот самый. Из моего сна. Из бабушкиной книги. Мохолун.

Зверек остановился в паре шагов от нее. Подняв голову, он не открыл рта, но в её сознании зазвучал низкий, вибрирующий голос, похожий на раскатистое кошачье мурчание: — Я ждал тебя. Ты видела меня во сне.

— А ты пришел вместе с ней? раздался в голове Миши более звонкий, удивленный голос. — Удивительно. Но это хорошо. — Меня зовут Лик, — продолжил зверек, — Я один из тех многих, кто родился здесь, в этом самом лесу, когда Луна впервые коснулась мха.

Лик переступил лапками, и звездочки на его животе ярко вспыхнули.

— Но вернемся к тому, зачем ты здесь, Алина. Ты пришла сюда, потому что хочешь, чтобы твои родители слышали друг друга? Я могу показать тебе их истинные страхи. Но решить, что с ними делать дальше — придется вам самим.

Алина сглотнула подступивший к горлу комок. Смесь надежды и жуткого страха перед неизвестностью заставила её задрожать, но она решительно кивнула: — Покажите. Пожалуйста.

Лик перевел взгляд на Мишу:

— А ты? Готов ли ты встретиться со своим страхом по-настоящему и решить, что с ним делать?

Миша замялся лишь на мгновение. Посмотрев на Алину, он стиснул челюсти и ответил твердо: — Готов. Хотя мне и страшно.

Лик сделал шаг назад, и мох под его лапами начал менять цвет, приобретая тревожный, красноватый оттенок.

— Тогда идите за мной, — прозвучал голос Лика, теперь строгий и предупреждающий. — Но помните: то, что вы увидите дальше, уже не будет просто иллюзией леса. Это будет то, что вы и ваши близкие прячете на самом дне своих душ.

Лик развернулся и плавно двинулся вглубь светящейся поляны. Алина и Миша переглянулись, крепче сжали руки друг друга и шагнули следом.

7. Истинные страхи

Мох под ногами сиял всё ярче, словно впитывая каждый их шаг. Деревья вокруг постепенно редели, а затем и вовсе растворились в плотном тумане. Лес исчез. Они оказались в безграничном пространстве, где не было ни неба, ни горизонта — только светящаяся земля.

Лик остановился и обернулся.

— Здесь ваши пути расходятся, — предупредил он — Тебе, Миша, предстоит встретиться со своим страхом лицом к лицу. Я буду рядом, в твоём сознании, но победить его ты должен сам.

— А тебе я покажу то, что прячут твои родители, — тихо произнес Лик, смотря на Алину. Подростки на секунду сжали руки друг друга на прощание.

Алина медленно шла вперед. Прямо перед ней из тумана вдруг начали вырастать знакомые очертания: обои в коридоре, кухонный стол, приоткрытая дверь кабинета. Это была её квартира, но искаженная, как в кривом зеркале. Стены покрывались глубокими трещинами, с потолка сыпалась штукатурка, а голоса родителей гремели так, будто мир рушился.

— Мы не можем так больше жить! — в истерике кричала мама. — Я забираю Алину и уезжаю отсюда навсегда!

— Да делай что хочешь! — с жестоким равнодушием сказал отец, отворачиваясь. — Мне уже без разницы! Забирай!

Алина остановилась как вкопанная. Воздух выбило из легких. Вот оно. То, чего она боялась. Семья разорвана в клочья, она — как чемодан, который делят при переезде, а впереди лишь разрушенная жизнь и пустота.

— Нет... — прошептала девочка, обхватив себя за плечи.

Лик остановился. Его лунные ушки чутко дрогнули. Зверек подошел ближе и потерся о её ногу. — Это не реальность, Алина, — его голос зазвучал в её голове. — Посмотри на меня. Это только твой собственный страх. Лес усиливает его, выворачивает наизнанку. Я приглушу его, но дальше будет сложнее — мы пойдем к правде. Ты всё ещё хочешь идти?

Алина оглянулась на рушащиеся иллюзорные стены. Страх сковывал горло, но она сделала судорожный вдох, расправила плечи и твердо кивнула. — Да.

— Тогда идем. Но помни: правда редко бывает легкой. Мох под их ногами вспыхнул тревожным, красноватым оттенком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.